

257
197

А. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

4
383

Складъ у В. А. Березовскаго.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственн. домъ, № 14.
1900.

ВЪ СКЛАДѢ
В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Записки Петра Кононовича Менькова. Въ 3-хъ томахъ.
Березовскаго. Спб., 1898 г. Изданіе В. А.

Томъ I. Дунай и нѣмцы. 470 стр.

Томъ II. Дневникъ П. К. Менькова. 370 стр.

Томъ III. Сборникъ статей: 1) Краткій журналъ графа К. Ѳ. Теля о пребываніи его въ арміи во время Польской войны; 2) Очерки Польской кампаніи князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; 3) Фрейтагъ; 4) Отрывокъ изъ путешествія по Петербургу; 5) Севастопольскія рѣчи П. К. Менькова; 6) Киргизскія степи; 7) Матеріалы, относящіяся къ Венгерской войнѣ 1849 г., 386 стр.

Цѣна за три тома 7 руб.

II и III томы (I-й томъ печатался въ «Изборникъ Развѣдчика») 5 руб.

Наши солдаты. Типы-военныхъ людей нашего времени, въ разсказахъ, счеркахъ и сценахъ. Составилъ Ник. Бутовскій. Съ рисунками. Спб., 1883 г., въ 8 д., 251 стр. 1 руб.

„Отецъ-командиръ“ (типъ современнаго военнаго начальника). Составилъ Ник. Бутовскій. Цѣна 40 к.

А. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

(1855 — 1895).

Складъ у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственн. домъ, № 14.

1900.

1061

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Скобелевъ за Дунаемъ и въ Ахалъ-Теке.

За Дунаемъ.

	Стр.
I. Нѣсколько словъ о переправѣ черезъ Дунай.	3
II. Первое взятіе Ловчи	8
III. На шоссе	17
IV. Наканунѣ боя.	27
V. Бой подъ Ловчей.	31
VI. Третье Плевно.—Передъ боемъ	35
VII. Бой на Зеленыхъ горахъ	41
VIII. На перевязочномъ пунктѣ	45
IX. Въ госпиталѣ.	48
X. Судъ.	61

Въ Ахалъ-Теке.

XI. Воны умерлы.	83
XII. Прогулка.	88
XIII. Казначей.	92
XIV. Защитники.	96
XV. Рекогносцировка Геокъ-Тепе.	99
XVI. Товарищи	113
XVII. Чиновникъ.	123
XVIII. Штурмъ Геокъ-Тепе.	129
XIX. Послѣ штурма.	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Очерки и воспоминанія.

	Стр.
I. Воля.	1
II. Каникулы.	13
III. Деревенскій праздникъ.	33
IV. Стерлядка.	45
V. Чудо-богатырь	49
VI. Скобелевъ у гроба Наполеона.	54
VII. Тросточка.	58
VIII. Изъ записокъ оцѣнщика.	64
IX. Въ гостяхъ у князя Кунгурова.	88
X. Не судьба.	126
XI. Нефтяное отопленіе	149
XII. На желѣзной дорогѣ.	159
XIII. Последняя княжна Ромодановская	174
XIV. Что случилось разъ съ Иваномъ Ѳомичемъ	181
XV. Мое знакомство съ литераторами.	187

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *

Скобелевъ за Дунаемъ

и

въ Ахаль-Теке.

(Воспоминанія очевидца 1877—1881 г.г.)

ЗА ДУНАЕМЪ.

За Дунаемъ.

Нѣсколько словъ о переправѣ черезъ Дунай.

(9-го Іюня 1877 года).

За Дунаемъ, за рѣкой
Казаки гуля-а-а-ють
И каленою стрѣлой
За рѣку бросаютъ.
Эй, эй,
Эй, гуляй

Насталъ 1877 годъ, а съ нимъ и турецкая война. Вотъ и іюнь приближается. Войска наши стягиваются къ Дунаю. Надвигалось разрѣшеніе великой задачи, — переправы черезъ Дунай. Вопросъ этотъ давилъ каждого изъ насъ, соучастниковъ этой войны, тяжелымъ кошмаромъ. Да и не мудрено! Вѣдь отъ нея зависѣло все: т. е. быть войнѣ или не быть. Хотя, конечно, одной попыткой мы не ограничились бы, но, во всякомъ случаѣ, ежели бы первая переправа не удалась, то намъ пришлось бы еще долго смотрѣть на турецкій берегъ, какъ на луну.

А переправа предстояла нелегкая. Дунай быстръ и широкъ. Онъ былъ еще на весеннемъ положеніи и мѣстами разлился куда широко! Правый берегъ его, турецкій, страшно обрывистъ и въ нѣсколько десятковъ сажень высоты. Только развѣ птицей мож-

но перелетѣть черезъ него. Лишь пзрѣдка, гдѣ нибудь желобинкой, или по руслу ручейка, проложившему себѣ путь къ батюшкѣ Дунаю, можно вскарабкаться на его вершину. Но всѣ такія мѣста, гдѣ только возможна высадка, непріятелю, конечно, хорошо извѣстны и зорко сторожились. Тамъ стояли орудія и сильные отряды войскъ. Какъ тутъ быть! Что предпринять! А, между тѣмъ, войска подошли. Переправляться надо во что бы то ни стало! Вѣдь не ворочаться же назадъ!

И вотъ, прибѣгли къ той самой уловкѣ, или иначе сказать къ маневру, благодаря которому, еще въ 1812 году, Наполеону Бонапарту удалось, хотя и съ жалкими остатками своей великой арміи, все-таки проскользнуть черезъ р. Березину и избѣгнуть постыднаго плѣна.

Вся задача наша въ настоящія минуты заключалась въ томъ, чтобы, хотя на самое короткое время, отвлечь вниманіе непріятеля отъ истиннаго мѣста переправы. Съ этою цѣлью, какъ разъ противъ Никополя, были начаты примѣрныя приготовленія для переправы войскъ: передвигались войска, подвозились различные грузы, транспорты и т. п. А тѣмъ временемъ, что называется «подъ шумокъ» — къ берегу Дуная, что противъ Зимницы, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня, двинулась наша 14-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Мих. Ив. Драгомирова.

Въ глубокой темнотѣ, съ соблюденіемъ величайшей тишины, размѣстилась 1-я бригада дивизіи по небольшимъ лодкамъ, называемымъ понтонами. Въ одинъ изъ нихъ сѣлъ и самъ Драгомировъ въ сопровожденіи В. К. Николая Николаевича Младшаго и генералъ-маіора М. Дм. Скобелева.

Точно тѣни какія, неслышно заскользили утлые суденышки по поверхности рѣки.

Какъ подумаешь теперь, насколько шагъ этотъ былъ смѣлъ, и даже, можно сказать дерзокъ. Куда плывутъ эти люди? Плывутъ они въ невѣдомую страну, сражаться съ непріятелемъ. А вся сила ихъ — бригада пѣхоты, или самое большое, 5 тыс. человекъ.

Велики-ли же силы непріятеля, съ которыми наши должны столкнуться? А неизвѣстно, могутъ попасть на цѣлую армію!

Кромѣ естественныхъ, природныхъ препятствій: широкой, могучей рѣки, крутыхъ, недоступныхъ береговъ, храбрецамъ нашимъ предстояла еще опасность, не смотря на темноту ночи, быть все-таки своевременно замѣченными непріятелемъ. А тогда, конечно, онъ выстрѣлами изъ орудій постарается пустить понтоны ко дну.

Главная-же мысль, которая, конечно, должна была щемить сердце каждаго изъ сидящихъ въ понтонахъ, была конечно та, что въ первыя самыя минуты, по выходѣ на берегъ, помощи ждать было не откуда. Надѣяться оставалось только на самого себя. За спиной былъ Дунай.

Но уже не нами сказано: «Великъ Богъ земли Русской!» Хотя и замѣтили насъ турки и открыли огонь изъ орудій, и даже потопили нѣсколько понтоновъ, но уже было поздно. Непріятель прозвѣдалъ дорогія минуты. Главныя силы наши все-таки успѣли пристать къ берегу. Тяжелы были эти минуты. Темно, градъ пуль летитъ на-встрѣчу. Впереди полная неизвѣстность. Малѣйшее замѣнательство — и все пропало. Но при войскахъ находился Драгомировъ, а помощникомъ ему оказался Скобелевъ. Присутствіе

В. К. тоже не мало ободряло войска. Встрѣченный градомъ пуль, въ первую минуту послѣ высадки, войска наши на мгновѣніе смутились-было, но затѣмъ быстро оправились: сомкнулись, стремительно бросились впередъ, — и русское «ура» далеко огласило турецкій берегъ. Завязалась сѣча, — да какая!

Все это я говорю со словъ очевидцевъ. Самъ-же я при переправѣ не былъ и въ бою этомъ не участвовалъ, а потому подробностей его описать не могу, а повторю здѣсь только тѣ мои краткія впечатлѣнія, которыя я испыталъ при первомъ вступленіи моемъ на турецкій берегъ, дня два спустя послѣ переправы *).

«Вотъ я переправился на паромѣ въ сопровожденіи моего казака на турецкій берегъ. Съ какой жадностью разсматриваю я мѣсто первой нашей схватки, — схватки не на животъ, а на смерть, такъ какъ нашимъ отступленію не было. Мѣсто это представляло небольшую площадку, опушенную деревьями и кустарникомъ. Кругомъ во множествѣ валялись тряпки, фуражки, кепи, изорванные рубахи, штаны, служившія, вѣроятно, для первоначальной перевязки ранъ. Вся мѣстность кругомъ сильно утоптана и рѣзко отличалась отъ окружающей.

«Растительности здѣсь почти не существовало. На меня, какъ новичка, подобное зрѣлище сильно подействовало.

«Въ воображеніи моемъ невольно началъ рисоваться въ различныхъ формахъ весь этотъ отчаянный бой. Слѣзаю съ лошади, наклоняюсь и стара-

*) Впечатлѣнія эти я уже описалъ разъ въ моей книгѣ «Дома и на войнѣ».

тельно ищу, не увижу-ли гдѣ на землѣ слѣдовъ крови. Затѣмъ, ѣду дальше. Дорога, удаляясь отъ берега, подымается все въ гору. Отѣхалъ я версты двѣ, вижу, наша 14-я дивизія расположилась по обѣ стороны дороги въ тѣнистой рощѣ.

«Съ невольнымъ уваженіемъ смотрю я на этихъ молодцовъ, которымъ выпала столь трудная и въ то же время завидная доля проложить для всей нашей арміи путь черезъ Дунай. Длинными рядами виднѣются между столѣтнихъ дубовъ и тополей козлы ружей. Солдаты спокойно заняты своимъ дѣломъ: кто идетъ съ котелкомъ за водой, кто, навивъ на шомполъ тряпочку, прочищаетъ стволъ ружья; другіе, собравшись въ кучу, оживленно толкуютъ о чемъ-то. Ни пѣсенъ, ни веселья не слышно, замѣтно какое-то одиночество. Потомъ слышалъ я отъ здѣшнихъ-же офицеровъ, что положеніе нашихъ на турецкомъ берегу первое время было очень незавидное: силы маленькія, скорой помощи ждать не откуда, а между тѣмъ, вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не имѣлось. Нападенія можно было ожидать ежеминутно».

Но вскорѣ подошли войска, и положеніе наше поправилось.

Миръ праху храбрецовъ, погибшихъ въ этомъ славномъ дѣлѣ.

ЛОВЧА.

Первое взятіе Ловчи.

Еще за шесть недѣль до взятія Ловчи, городъ этотъ былъ въ нашихъ рукахъ, но мы почему то не заблаго-разсудили удержать его за собой, за то и поплатились не мало.

5-го іюля два эскадрона лейбъ-казаковъ, сотня 30-го Донского полка, моя полусотня владикавказцевъ (я былъ тогда сотникомъ Владикавказскаго полка), при двухъ орудіяхъ, посланы были главнокомандующимъ изъ города Сельви на рекогносцировку Ловчи.

Мы выступили чуть свѣтъ. Погода стояла прекрасная, шоссе—превосходное, и наше движеніе, съ нѣспями, походило скорѣй на прогулку, чѣмъ на войну.

Командиръ нашего отряда, лейбъ-казакъ, плечистый бакенбардистъ, полковникъ Жеребковъ, принялъ всѣ мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія. Были высланы разъѣзды и впередъ и по бокамъ. Отъ Сельви до Ловчи—версть 30—35.

Но вотъ къ намъ на встрѣчу, привставъ на стременахъ, скачетъ казакъ донецъ изъ разъѣзда. Фуражка на бокренъ, ника въ бунматъ *) такъ и трясется, черные длинные волосы сильно относились вѣтромъ.

— Ваше скородіе! — гнусаво кричитъ онъ, съ

*) Трубка при стремени для пика.

сильнѣйшей тревогой въ голосъ, и осаживаетъ коня передъ командиромъ отряда, — черкесовъ и баши-бузуковъ тамъ видимо-невидимо. — и онъ плетью указывалъ направленіе.

Казалось, отъ такого донесенія слѣдовало бы немедленно всему отряду броситься впередъ; но командиръ, очевидно, хорошо изучилъ своихъ станционныхъ *) и знаетъ, что такое ихъ «видимо-невидимо».

— Штабсъ-ротмистръ Муратовъ, — раздается басистый голосъ полковника Жеребкова.

Высокій, красивый лейбъ-казакъ съ длинными расчесанными бакенбардами подскакиваетъ къ командиру, беретъ подъ козырекъ, выслушиваетъ приказаніе и лихо несется къ своему эскадрону. Не проходитъ и двухъ минутъ, какъ меня обгоняетъ рысью густая колонна казаковъ. Поджарые гнѣдые кони сильно горячатся одинъ передъ другимъ. Любо было смотрѣть со стороны, какъ вся эта колонна круто сворачиваетъ съ пыльнаго сѣраго шоссе влѣво, и здѣсь, на зеленой полянкѣ, еще покрытой бриллиантовой росой, быстро строится къ атакѣ, сверкая на солнцѣ, какъ щетиной, красными пиками. Слышится зычное, протяжное: «ры-сю-ю!!», и сотня всадниковъ, развернутымъ фронтомъ, какъ одинъ человекъ, трогается впередъ, сначала шагомъ, затѣмъ рысью, все шибче, шибче, переходить въ карьеръ и наконецъ теряется вдаль между темными, вѣковыми дубами, вязами и ореховыми деревьями. Только отдаленное замирающее «ура» доказывало, что, должно быть, наши столкнулись съ непріателемъ. Спустя минутъ десять, на встрѣчу намъ скачетъ новый гонецъ, съ донесеніемъ, что на правомъ

*) Такъ зовутъ себя донцы между собой.

«хлангъ» показался новый, «видимо-невидимо» неприятель. Противъ этой несмѣтной силы посылають меня съ полусотней владикавказцевъ. Несмотря на то, что у моихъ казаковъ лошади были сильно подбившись, такъ какъ намъ послѣднюю педѣлю почти не пришлось слѣзть съ сѣдла, мы живо повернули съ шоссе вправо и разсыпались между кустами искать неприятеля. Хотя выстрѣлы раздавались поминутно, но неприятель былъ неуловимъ и все отступалъ.

Такимъ образомъ, постоянно мѣняясь, то та, то другая сотня въ авангардѣ, мы быстро подавались впередъ и, наконецъ, около полудня въѣхали на гору, съ которой, какъ на блюдечкѣ, увидали Ловчу. Насъ раздѣляла только быстрая горная рѣчка Осьма.

На мосту насъ встрѣчаютъ сплошной массой жители болгаре. Какъ сейчасъ помню, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ кричали они: «да живе царъ Александръ! да живе князь Никола!» *), хватали наши руки, края одежды, и цѣловали ихъ со слезами на глазахъ. Вслѣдъ затѣмъ ихъ священникъ, въ черномъ высокомъ клобукѣ, отслужилъ благодарственный молебенъ, послѣ чего мы всѣ расположились на площади, или, вѣрнѣе сказать, на старомъ турецкомъ покинутомъ кладбищѣ, усаженномъ древними памятниками, — и давай пировать.

Вотъ уже гдѣ, можно сказать, было изобиліе плодовъ земныхъ! Вотъ уже гдѣ мы досыта вкушали отъ первородныхъ изъ стада! Вина было море разливное. Шумъ на площади стоялъ точно на базарѣ. Болгаре со всѣхъ сторонъ облѣпили нашъ маленькій лагерь. Только и видѣлись ихъ руки съ протянутыми кув-

*) Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ.

пинами съ виномъ. Почти возлѣ каждаго казака пріютилось на корточкахъ по нѣсколько братушекъ. Они пристально наблюдали, дабы предупредить малѣйшее желаніе своихъ дорогихъ гостей.

Цѣлые бараны жареные, на огромныхъ противняхъ, гуси, куры, котлы съ разными похлебками, груды арбузовъ, винограду, дынь, и вообще все, что только городъ могъ дать, все въ изобиліи лежало передъ нами.

Многіе изъ казаковъ, какъ нижніе чины, такъ и начальство, въ томъ числѣ и я, немедленно же отправляемся осматривать городъ. Турецкіе дома еще долго до нашего прибытія были ограблены болгарами и сожжены. Но, несмотря на это, мы все-таки ѣдемъ туда. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, изъ города потянулись мимо нашего лагеря вереницы пѣшихъ и конныхъ болгаръ съ выюками разнаго добра. Вся эта картина у меня какъ сейчасъ передъ глазами.

Вонъ высокій, здоровенный донецъ съ смуглымъ коричневатымъ лицомъ, съ подстриженными въ кружокъ русыми волосами, прикурнувшись у палатки, скинулъ мундиръ и старается папалить на свои широкія плечи какую то пеструю шелковую кацавейку. Та не лѣзетъ и трещитъ по всѣмъ швамъ. Долго возится съ ней казакъ, наконецъ бережно стаскиваетъ и старательно прячетъ ее въ подушку отъ сѣдла. Кругомъ во множествѣ валяются красные кумачевые платки, одѣяла, перины, подушки и разное тряпье.

Я прохожу мимо офицерской палатки. Маленькій, тщедушный эсауль, съ подстриженными черными усами и орлинымъ носомъ, сидитъ на коврикѣ, и слегка провѣтриваетъ рукой на мохнатой груди пунцовую кацавовую рубаху, побурѣвшую отъ поту. Задумчиво разсматриваетъ онъ разложенныя передъ нимъ турецкія

вещи: высокій мѣдный кунганъ съ красивой рѣзбой, шкатулку деревянную, изящно выложенную перламутромъ, такіе же деревянные женскіе баншаки въ видѣ колодокъ, очень высокіе, цѣлый женскій костюмъ шелковый, вышитый золотомъ, нѣсколько ковриковъ, огромныя связки листового табаку и два длинныхъ кремневыхъ ружья.

— Блоха, куда же мы все это дѣнемъ?—слышу знакомый сиплый голосъ съ хохлацкимъ акцентомъ.

Отвѣта нѣтъ, такъ какъ «Блоха», стоя за палаткой на колѣняхъ, въ одной рубахѣ, заправленной въ черныя шаровары, весь потный, силился запихать въ свои сумы узелъ съ какимъ то тряпьемъ. Претивъ эсаула сидитъ на корточкахъ почтенный болгаринъ, очень представительный. Непокрытая стриженная голова его серебрится сѣдиной. Сѣрая сукопная куртка и такія же шаровары обшиты черной тесьмой. За широкимъ желтымъ кушакомъ торчитъ мѣдная папиросочница, тетрадошка папиросной бумаги и затѣмъ цѣлый арсеналъ пистолетовъ и ножей. Оружіе это придавало старику нѣсколько комическій видъ. Болгаринъ съ сіяющимъ, довольнымъ лицомъ поясняетъ капитану (какъ они звали всѣхъ нашихъ офицеровъ) достоинство каждой вещи.

— А что, какъ да вдругъ турки нападутъ на васъ, что тогда вы будете дѣлать? — хрипло восклицаетъ эсаулъ, искоса взглядывая на собесѣдника.

— Няма турци! сичко (всѣ) Балканъ бѣга! Эге, Эге!—быстро возражаетъ тотъ, и рукой указываетъ къ горамъ.

— Ладно, ладно, Балканъ бѣга,—говоритъ эсаулъ, при чемъ достаетъ лежащую передъ нимъ тонкую шелковую женскую рубаху съ золотыми прошивками и

пребрежно рассматриваетъ ее на свѣтъ, дабы убѣдиться, нѣтъ ли дыръ и стоитъ ли ее брать съ собой.

— Вотъ какъ мы уѣдемъ, они вамъ и пропишутъ кузькину мать, — съ какимъ то озлобленіемъ добавляетъ онъ, и при этомъ далеко откидываетъ въ сторону рубаху.

— Ну, братушка, донесе еще вѣнка! — восклицаетъ эсаулъ болѣе снисходительнымъ тономъ.

Братушка быстро поднимается и бѣжитъ по направлению къ городу. Казакъ за палаткой услыхалъ, что дѣло идетъ о винѣ, догоняетъ, суетъ ему въ руку глиняный черный кувшинъ и знаками старается объяснить ему, чтобы онъ взаменъ этого принесъ другой побольше.

— Голема, голема *), — кричитъ онъ.

— Чака, чака **) малко, — въ свою очередь восклицаетъ посланный, машетъ рукой и убѣгаетъ.

Моя полусотня раскинулась въ самомъ концѣ площади въ тѣни деревьевъ. Смотрю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лагеря, стороной, вдоль забора, осторожененько, одинъ за другимъ пробираются братушки-болгары. Кто верхомъ на ослѣ, кто на лошаденкѣ немножко побольше осла. Они настолько были навьючены награбленнымъ турецкимъ добромъ, что отъ самихъ всадниковъ, изъ за всего этого имущества, торчали только головы, да свѣсившіяся до самой земли красныя здоровыя ноги.

— Куда это они собрались?—спрашиваю моего расторопнаго урядника Панчоха, съ желтоватымъ бритымъ лицомъ.

*) Т. е. большой, большой.

**) Погоди, погоди.

Тотъ въ это время съ самодовольнѣйшимъ видомъ раскладывалъ передо мной на доснящейся черной буркѣ нѣсколько отличнѣйшихъ турецкихъ ятагановъ. Гдѣ ужъ онъ ихъ раздобылъ — положительно не знаю.

— Да они, ваше благородіе, теперь выйдутъ изъ города, заберутся куда нибудь въ лѣсъ и будутъ стоять таборомъ, какъ цыгане, и дожидаться, чья возьметъ, наши али турки, къ тому опять съ поклономъ и придутъ. Ужъ это народъ такой, самый неблагодарный.

Проговоривъ это увѣреннымъ тономъ, Панчохъ, сидя на корточкахъ, полой своей выгорѣвшей отъ солнца черной черкески старательно обтираетъ роскошную слоновую ручку ятагана, изукрашенную кораллами. Нѣкоторые были съ бирюзой.

«Странное дѣло—думается мнѣ въ эту минуту—за что Панчохъ недоволенъ болгарами? Донской эсаулъ тоже только что бранилъ ихъ. Неужели братушки еще мало насъ угощаютъ? кажется, можно быть довольнымъ. Или ужъ это ихъ такая доля?»

Въ это самое время мимо насъ проходитъ новая толпа болгаръ. Одинъ маленькій осликъ, черезъ мѣру нагруженный всякимъ скарбомъ, останавливается подъ непосильной ношей, вмѣстѣ съ всадникомъ, какъ разъ, возлѣ моей палатки, задираетъ морду кверху, жалобно водитъ своими длинными ушами и принимается оглашать окрестности дикимъ ревомъ. Панчохъ яростно избрасывается на болгарина, гонитъ, толкаетъ, и бѣдное животное, наконецъ, валится на землю вмѣстѣ съ всадникомъ при громкомъ хохотѣ казаковъ.

«Го! го! го!—грохочутъ они.—Вотъ мы уже тебя сейчасъ ошаримъ». Всадникъ же, дѣйствительно, больше всего опасался, какъ бы казаки не стали осматривать его имущество. Весь потный отъ страха и

усталости, быстро выкарабкивается онъ изъ выюковъ, перевьючиваетъ ихъ, и, уже не влѣзая на осла, гонитъ его передъ собой длиннымъ дручкомъ. Тотъ, облегчившись чуть не на половину, трогается мелкой иноходью и, помахивая жиденькимъ хвостикомъ, скрывается за угломъ каменнаго забора, къ великой радости владѣльца, что такъ дешево отдѣлался.

Начинаетъ темнѣть. Жара спадаетъ. Казаки надѣваютъ, кто бурки, кто мундиры, и точно какія-то тѣни мелькаютъ по площади между деревьями. Но вотъ трубачъ играетъ зорю. Раздается команда на молитву, и на турецкомъ кладбищѣ, въ ночной тиши, заунывно разносится «Отче нашъ».

7-го іюля, рано утромъ, отрядъ выступилъ въ обратный путь. На защиту Ловчи оставили эсаула Антонова съ его сотней. Не помню, долго ли властвовалъ онъ тамъ, но вотъ что рассказывалъ мнѣ впоследствии его же офицеръ, хорунжій Гурбановъ.

«Остались мы на той же самой площади, гдѣ и раньше стояли. Какъ-то утромъ, только что я проснулся, надѣваю сапогъ, вдругъ, надъ моей головой что то съ страшнымъ шумомъ прошуршало, ударяетъ о землю и разрывается. Батюшки мои!, думаю,—вѣдь это граната, значитъ непріятель подошелъ. Но не успѣлъ я опомниться, какъ шлепается другая, за ней третья. Шумъ, переполохъ подымается у насъ страшный. Лошади съ коновязей пооборвались и давай носиться по площади какъ шальные. Раздаются крики: «сѣдай! живо!» А я, какъ на бѣду, не могу найти другого сапога, такъ объ одномъ и вскочилъ на коня. Забрали мы поскорѣй свой хабурь-чабурь, да и тягу въ Сельзи».

Дѣйствительно, врядъ-ли кому изъ насъ могло прид-

ти въ голову, когда мы такъ мирно угощались на кладбищенской площади, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ намъ придется снова брать эту самую Ловчу, но только далеко не при такихъ мирныхъ условіяхъ. Много сотенъ нашихъ храбрыхъ воиновъ лягутъ костьми въ тучныхъ окрестныхъ виноградникахъ, и еще того больше, долго будутъ залечивать свои раны. Да и болгарамъ достанется за ихъ радушную къ намъ хлѣбъ-соль.

На шоссе.

Августа 7-го нашъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора Михаила Дмитріевича Скобелева расположился на Сельви-Ловченскомъ шоссе, верстахъ въ 12-ти отъ Ловчи. Въ составъ отряда входили: Казанскій пѣхотный полкъ, 1-й баталіонъ Шуйскаго пѣхотнаго полка, батарея 9-ти фунтовыхъ орудій, Донская горная батарея, команда саперъ и Кавказская казачья бригада. Эта послѣдняя, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, расположилась отдѣльно отъ пѣхоты, съ версту ближе къ Сельви.

Въ то время я состоялъ ординарцемъ при Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, и жилъ въ маленькой палаткѣ «tente-abri», сейчасъ же позади генерала. Рядомъ съ палаткой Скобелева стояла палатка начальника штаба отряда, капитана Куропаткина. Весь нашъ лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе, въ чудной тѣпистой рошѣ. Природа одѣлила здѣшнюю мѣстность всѣми благами земными: климатъ прекрасный; воды въ изобиліи; фруктовъ разныхъ — дынь, арбузовъ, винограду, орѣховъ — сколько угодно. Бывало, только скажешь казаку — сейчасъ же всего этого привезетъ. Въ особенности

мы объѣдались чѣмъ-то въ родѣ сливы; казаки звали этотъ фруктъ «лыча».

Вечерѣтъ. Сквозъ тѣнистыя вершины деревьевъ солнце склоняется къ закату. Жаръ спадаетъ. Въ лагерь начинается оживленіе. Фигуры солдатъ въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ черными ремешками, мелькаютъ между деревьями все чаще и чаще. Веселый говоръ и смѣхъ раздаются все сильнѣе. Очевидно, послѣ дневной жары, съ наступленіемъ вечерней прохлады, все оживаетъ. Генераль нашъ не оставляетъ петербургскихъ привычекъ — объѣдаетъ поздно. Вонъ деньщикъ его Круковский въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей палатки накрываетъ обѣдать на чистомъ воздухѣ. Тутъ же вертится и помогаетъ накрывать низенькій, безобразный киргизенокъ, по имени Нурбай, въ своемъ національномъ костюмѣ: коротенькой пестрой курткѣ и рыжихъ кожаныхъ шароварахъ. На груди его красовались два солдатскихъ Георгія. Его генераль привезъ съ собой изъ Туркестана, гдѣ онъ сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Нурбай этого, или, какъ его звали, Нурбайко, генераль любилъ, привыкъ къ нему и баловалъ сильно. Нурбайко былъ у него здѣсь за конюха, слѣдилъ за лошадьми, и въ то же время потѣшалъ генерала своими разсказами, вопросами, а главное своимъ комическимъ видомъ.

— Пожалуйте кушать! — кричитъ мнѣ Круковский довольно безцеремонно. Направляюсь къ столу. Одновременно показывается изъ своей палатки Скобелевъ въ бѣломъ кителѣ съ Георгіемъ на шеѣ, а за нимъ Куропаткинъ.

— Нурбайко! обезьяна! образина! ха, ха, ха! — слегка картавя, кричитъ и весело хохочетъ Михаилъ

Дмитріевичъ, при видѣ своего вѣрнаго стремяннаго, который съ преуморительной рожей стоялъ за его табуреткой. Генераль ежится своимъ худощавымъ туловищемъ, потираетъ руки и въ то же время не можетъ утерпѣть, чтобы не щипнуть за ухо Нурбайко. Тотъ очень доволенъ такимъ покровительственнымъ обращеніемъ начальства, и чуть не до ушей осклабляетъ свое бронзовое загорѣлое лицо.

Начальникъ штаба отряда, капитанъ Куропаткинъ, составляетъ въ это время совершенную противиноположность со Скобелевымъ. Какъ Скобелевъ нервенъ и живъ, такъ Куропаткинъ спокоенъ и сосредоточенъ.

Садимся обѣдать. Постороннихъ — никого. Генераль что-то оживленно разсказываетъ. Въ это время мнѣ приходитъ на мысль похвастать своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. Достую изъ кошелька большую турецкую золотую монету въ 5 лпръ, или, на наши деньги, 5 полуимперіаловъ, подаю ее генералу и говорю:

— Ваше превосходительство, видали вы такія монеты?

— Славная монета, гдѣ вы достали такую? — съ интересомъ восклицаетъ онъ.

— Казакъ мнѣ продалъ.

— Сколько дали?

— 5 полуимперіаловъ, ваше превосходительство.

— Славная, славная монета, — продолжаетъ восклицать генераль, и вертитъ ее въ своихъ длинныхъ, худощавыхъ пальцахъ.

— Нурбайко, возьми ее себѣ, — смѣясь кричитъ мой генераль, обращаясь къ киргизенку и отдастъ ему. Тотъ въ восторгѣ скалитъ свои бѣлые зубы и поспѣшно прячетъ золото въ карманъ шароваръ. Ско-

белевъ хохочетъ, Куропаткинъ хмурится и многозначительно посматриваетъ на меня. Взглядъ его мнѣ ясно говорилъ: «Что! похвасталъ, голубчикъ! ну, вотъ на себя и пеняй, въ другой разъ умнѣ будешь!»

Я не сталъ отнимать монеты у Нурбайки. Скобелева же не рѣшился безпокоить—такъ и пропали мои денежки.

А какая хорошая была монета, красивая, просто прелесть! До сихъ поръ жаль ее.

Жили мы, помню, на этомъ шоссе превесело. У меня остались о здѣшнемъ пребываніи самыя лучшія воспоминанія. Днемъ обыкновенно прѣзжалъ въ нашъ пѣхотный лагерь кто-нибудь изъ моихъ товарищей-казаковъ. Въ казачьей бригадѣ, кромѣ Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ, былъ еще Осетинскій дивизионъ, что составляло въ общемъ 12 сотенъ. Сила не маленькая! Скобелевъ очень любилъ Кавказскую бригаду, и считалъ этотъ родъ кавалеріи самымъ лучшимъ. И дѣйствительно, впоследствии, я самъ лично убѣдился въ справедливости его мнѣнія. Позже, когда казачьи сотни наши, бодрья и сильныя, были уже въ Балканахъ, мнѣ попадались на глаза гусары, уланы и другая регулярная кавалерія, совершенно въ иномъ видѣ: шишуръ, галуны на венгеркахъ и мундирахъ пооборвались; тяжелыхъ мундштуковъ у лошадей и помину нѣтъ; красивыхъ пикъ тоже стало не видать; много людейшло пѣшкомъ; лошади обезножены, спины побиты. Суровая дѣйствительность сразу сказала недостатки нашего снаряженія и обмундированія въ регулярной кавалеріи. Ленчики у сѣделъ оказались очень тяжелыми, не практичными, и легко сбивали спины лошадей. Что касается моего мнѣнія, то я ничего не знаю удобнѣе хорошаго кавказскаго

сѣдла. За два года похода я ни разу не сбилъ спины моей лошади, хотя приходилось дѣлать по 300 и даже по 400 верстъ въ недѣлю. Положимъ, это зависѣло и отъ ухода за лошадыю. Главное вниманіе слѣдуетъ обращать на сѣдловку. Одинъ старый опытный осетинъ, пріятель мой, училъ меня въ особенности обращать вниманіе на потникъ. Прежде, чѣмъ наложить его на спину лошади, необходимо провести по немъ голой рукой, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли на немъ какой-либо, хотя малѣйшей песчинки или затвердѣлости. Вотъ отъ нея то въ большинствѣ случаевъ и сбиваются спины. За переходъ въ 20—30 верстъ, отъ такой, повидимому, бездѣлицы, шерсть на лошади стирается, затѣмъ образуется ранка, которая при непрерывной ѣздѣ все будетъ увеличиваться, а затѣмъ, какъ говорится, ее и шапкой не закроешь.

Но вернемся къ разсказу. По вечерамъ Скобелевъ частенько ѣздилъ кататься и заѣзжалъ къ казакамъ. Онъ въ особенности любилъ моего командира—полковника Левиса. За Скобелевымъ, конечно, слѣдовалъ и я. Удивительно пріятно, бывало, подѣзжать къ нашему казацкому лагерю. Пѣсенники, собравшись въ кружки около палатокъ сотенныхъ командировъ, звонко заливаются—поютъ. Зурна рѣзко, монотонно гудитъ; тлумбасы грохочутъ; кое-гдѣ въ разныхъ направленіяхъ слышится громкое «ура! ура! ура!» То пѣютъ за чье-либо здоровье. Но вотъ мы подѣзжаемъ ближе и ближе. Шумъ и нѣсни смолкаютъ. Все офицерство бѣжитъ встрѣтить генерала. Я проѣзжаю къ своему пріятелю, полковому адъютанту Ляпину *).

*) Въ настоящее время командиръ Сунженско-Владикавказскаго полка.